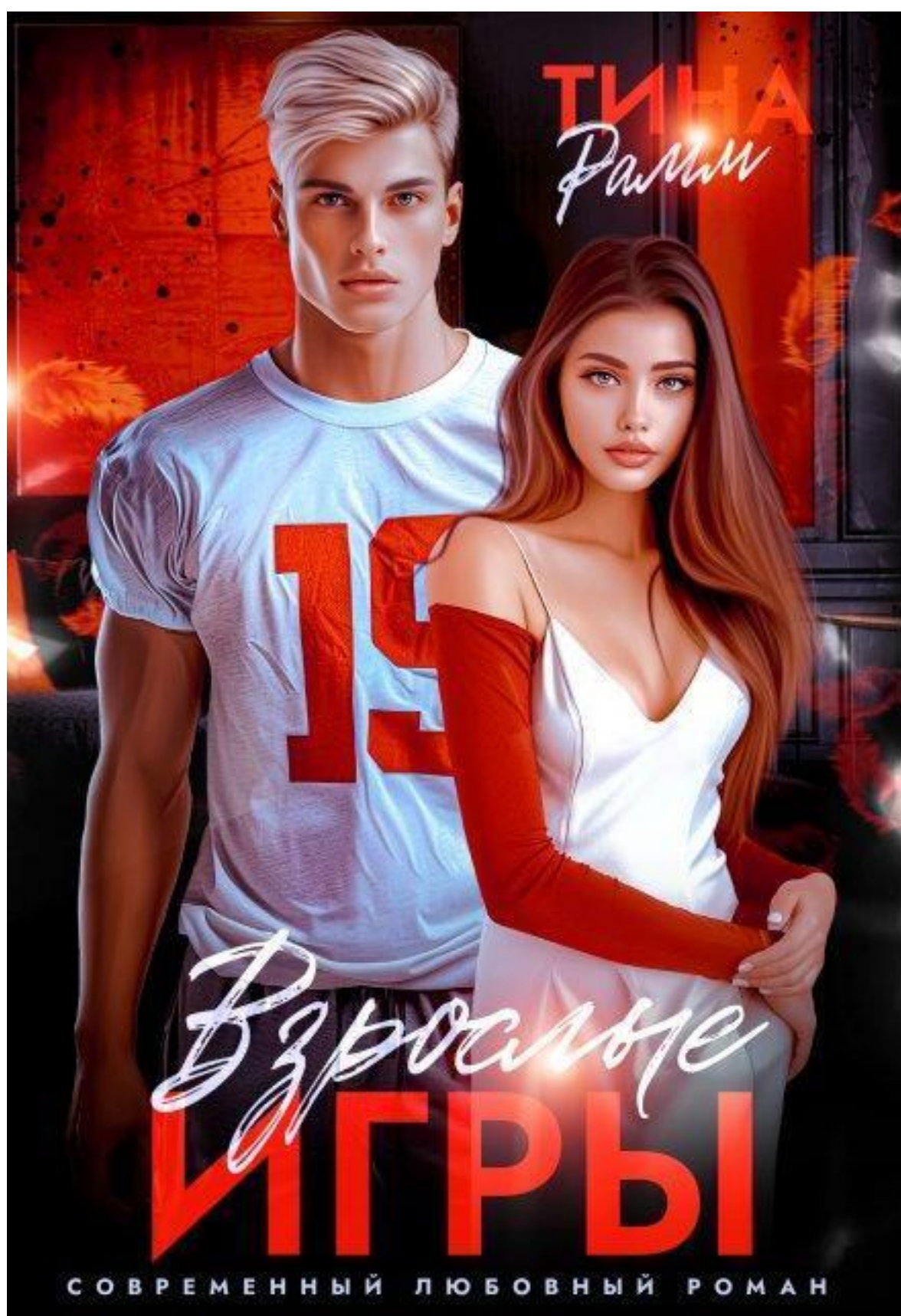

Тина Рамм

Взрослые игры

«Литнет»

2024

Рамм Т.

Взрослые игры / Т. Рамм — «Литнет», 2024

– Так сильно любишь меня? - усмехнулась я. Он ловит мою руку, целует сначала в ладонь, потом в тыльную поверхность кисти. Я быстро выхватываю её и прячу, словно он испачкал меня своим поцелуем. – Я сдохну, если тебя не будет рядом, - говорит вполне честно, но я ему больше не верю. – Ну, так сдохни, - пожала плечами. - Я знаю, что ты переспал с ней. Так что я согласилась на брак с твоим братом. Мне всё равно на тебя.

© Рамм Т., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пролог

Саундтрек: Croosh - Baby

Моя барабанная перепонка вот-вот лопнет от нагрузки. Всюду раздаются радостные возгласы, крики приветствия футболистов. Мужчина в причудливой футболке, сидящий рядом со мной, все время вскакивал, выкрикивая название футбольного клуба. Я не смогла сдержать улыбку, наблюдая за тем, как все эти люди любят футбол и восхищаются игроками.

Диктор озвучивает футбольную команду и на поле выбегают игроки. Я вскакиваю, чтобы лучше рассмотреть футбольное поле. Когда мои глаза находят светлую макушку и фамилию “Стоцкий” на его спине, сердце пропускает несколько ударов, а потом и вовсе катится вниз по трибунам, прямо к его ногам.

Он невероятно красивый, такой, что на него невозможно смотреть. Не то, чтобы я забыла, как он выглядит. Это невозможно, потому что каждый день я просыпалась и засыпала с его лицом перед глазами. Это было невыносимым испытанием и, в конечном итоге, я сорвалась и пришла на его матч, чтобы успокоить своего внутреннего обиженного ребенка и посмотреть на него вживую.

Он все тот же. Мужественный, сильный, родной. Но все-таки есть в нем что-то такое, что отличает его от прежнего Яна. Он больше не улыбается. Совсем.

Раздается свисток, атака, игра началась... Все игроки рассыпаются по полю, пытаюсь отобрать мяч у противника. Это правда захватывающее зрелище и с первой же минуты матч держит в напряжении. Через восемь минут после начала, Ян совершает короткую передачу и мяч попадает к нападающему, имени которого я не знаю, и наша команда забивает гол.

Мужчина рядом со мной вскакивает и начинает вопить, как ребенок. Я радостно вскакиваю следом и не могу сдержать улыбку. Положив руку на свой выпирающий живот, я шепчу своему малышу:

– Это твой папа, *доченька*. Он такой сильный и мужественный.

Слезы застилают мне глаза и я спешу вытереть их, пока они не прольются. Мне нельзя плакать. Достаточно было того, что ревела целый месяц, не переставая, пока мой гинеколог запретила мне нервничать, если я не хочу потерять свою малышку.

Я уже собираюсь вернуться на свое место, как внезапно Ян поворачивает голову в мою сторону и начинает блуждать взглядом по трибунам. Все во мне замирает, нервы натягиваются и даже сердце будто перестает биться.

И тут он смотрит прямо на меня. Прямо в глаза. Я дергаюсь, но не могу пошевелиться, заставить себя сесть обратно и спрятаться за спинами болельщиков. *Этого не может быть.* Это. Просто. Невозможно. Он не мог увидеть меня среди этой тысячной толпы людей.

Мои ноги уже несут меня к выходу, пока сердце продолжает биться с бешеной скоростью, отдаваясь глухим стуком в ушах. Я протискиваюсь мимо сидящих людей, наступаю женщине на ногу и тихо извиняюсь.

Все в порядке. Он не заметил меня. Это просто мое больное воображение.

Я буквально бегу по длинному коридору, который соединяет трибуны и выход. Я всего лишь хотела увидеть его, хотела успокоить свое ноющее сердце и одного взгляда на него хватило бы мне еще на несколько месяцев. Знать, что с ним все хорошо, что он счастлив и играет в любимой команде – лекарство для меня. Но почему все должно было обернуться именно так?

– Риана...

Вначале я не могу понять, этот голос реальный или всего-лишь плод моего воображения. Я так часто слышала его в своих снах, что даже не сразу смогла понять, фантазия это или нет. Но мои ноги сами останавливаются, а сердце так больно бьется о грудную клетку, что мне хочется разорвать на себе объемную рубашку, которая скрывает мой живот.

– Риана.

Боже... Нет, нет, нет. Этого не может быть. Этот голос реален. И когда я медленно оборачиваюсь, из меня вырывается тихий вздох, когда я натыкаюсь на голубые пронзительные глаза.

Это он. Настоящий. Не плод моего воображения. Я так часто представляла его себе по ночам, когда не могла уснуть. Представляла, что он лежит вместе со мной в холодной постели, целует мою шею, плечи и ключицы, как любил делать это всегда, и гладил мой живот.

Но он не должен узнать о ребенке. Это сломает его карьеру...

Глава 1

Несколько месяцев назад...

 Ян

Музыка, грохочущая из настенных колонок, проникает через барабанную перепонку и вибрирует где-то в груди. Я откидываю голову назад и выпускаю облако серого дыма, которое тут же рассеивается в воздухе. В другой моей руке стеклянная бутылка пива, не то чтобы я любил этот напиток, обычно я предпочитаю более крепкий алкоголь, однако сегодня мне нельзя напиваться. Ну, вообще никак. Иначе завтра Дед Мороз – наш тренер устроит мне настоящую взбучку, а я не хотел бы просидеть весь следующий матч на скамейке запасных.

– Я была на вашей сегодняшней тренировке. Твоя передача была восхитительной, Ян, – блондинка справа от меня, которая прилипла к моему боку, как банный лист, вырисовывает наманикюренным пальчиком круги на моей груди.

– Это называется острая передача, малыш, – ухмыляюсь блондинке и подношу к губам горлышко бутылки. Я даже не знаю, как ее зовут. Вера? Нина? Да плевать.

– По правде говоря, я обожаю ваши тренировки только из-за тебя, Ян.

Вера или Нина невинно хлопает глазами и сексапильно прикусывает нижнюю губу. Она красива, не спорю, но все в ней *слишком*: ее длинные нарощенные волосы, выкрашенный в неестественный оттенок пепельный блонд, искусственные губы, выученные фразы, движения и даже ее взгляд настолько фальшивый, что меня начинает тошнить. Держу пари, если эта пустышка уткнется лицом в мою белую футболку, то оставит на ней весь свой боевой раскрас.

– Не ты одна, – грубо чеканю и наблюдаю за ее реакцией. Я даже не притрагиваюсь к ней, она сама липнет ко мне. Я не жалею, мне нравится, как дамы вешаются на мою шею, однако все они не *она*.

Блондинка на мгновение недовольно дует губы, но потом переходит в наступление: обхватывает рукой мой затылок и начинает оставлять на моей шее свои влажные поцелуи.

Я продолжаю пить пиво, словно ничего не происходит. В дверном проеме я замечаю темную макушку своего друга Тео, его лодыжки скрещены точно также как и руки на его груди. Он подпирает плечом дверной косяк и скользит по хаосу вокруг скучающим и незаинтересованным взглядом.

– Эй, Тео, прыгай сюда, – я хлопаю свободной рукой по мягкой обивке дивана, привлекая внимания друга. Забавно наблюдать, как пытается игнорировать громкую музыку, темное освещение и танцующих в экстазе людей вокруг.

Не проходит и минуты, как Тео оказывается рядом со мной, опустив вес своего тела на диван.

– Серьезно? – он выгибает бровь и кивает на присосавшуюся к моей шее блондинку. – Снимите комнату.

Я усмехаюсь его акценту и посылаю самую искреннюю улыбку. Тео Наварро – горячий испанец, недавно переехавший в Питер и по совместительству нападающий нашей футбольной команды. Я каждый раз усмехаюсь над его забавным акцентом. Я упоминал, что он мой хороший друг? У нас с ним лучшие короткие передачи.

– Как тебя там?

Блондинка поднимает голову и в глубине ее глаз появляется намек на разочарование. Ее подбородок дрожит, когда она произносит прерывистым голосом:

– В-Вероника...

– Точно, Вероника, – я беру ее за плечи и отпихиваю от себя. Надоела. – Малыш, нам с моим другом нужно переговорить насчет сегодняшней тренировки, но ты меня дожись, ладно? Я вернусь за тобой позже.

Любая вспышка растерянности и обиды исчезает с лица Вероники, когда ее розовые губы растягиваются в легкой улыбке, а в глазах появляется озорной блеск:

– Хорошо.

Она встает и выходит из гостиной, сегодня мы празднуем день рождения Эмиля на его даче. Когда дело касается женщин, я знаю, как с ними обращаться, иначе как бы я получил титул дамского угодника?

– Ты не меняешься, – вздыхает Тео. – Есть ли в этом доме хоть одна женщина, которую ты не затащил к себе в постель?

Моя улыбка мрачнеет, когда образ ее каштановых волос и темно-зеленых глаз возникает в моей голове. Да, есть та, которую мне так и не удалось покорить.

– Ты просто мне завидуешь, Наварро, – я хватаю его за плечо. – Я знаю, что ты падкий на модели, давай найдем тебе какую-нибудь красотку.

Я указываю пивом на танцующих девушек в коротких юбках, и на тех, что сидят в углу гостиной и со скужающим видом залипают в телефоне, и даже на тех, кто вешается на парней в неприличном жесте.

– Dios! Vas a callarte (*с испанского: “господи! отвали, наконец”*), Ян! Я не в настроении сегодня, – пробубнил себе под нос мой друг.

Тео толкает меня в плечо, теребя в руках свой смартфон. Мой взгляд перемещается по комнате, пока не останавливается на диджейском пульте. Я замечаю девушку в очках с круглой оправой, непослушными ярко-рыжими волосами. Девушка-диджей в мешковатой одежде и россыпью веснушек на носу уверенно тычет по кнопкам и регулирует биты грохочущей музыки. Ну и очкарик.

Внезапно в моей голове вспыхивает весьма интересная идея.

– А что насчет пари? Слабо сделать из замухрышки модель?

Тео выгибает бровь.

Я натягиваю дьявольскую улыбку и киваю в сторону девушки, которая совсем не обращает внимания на творящийся вокруг хаос и продолжает качать головой в такт музыки.

– Что насчет нее?

Взгляд Наварро прослеживает за моим и когда он натывается на угловатую рыжую его лицо морщится.

– Ты серьезно?!

– Слабо, да? Так и скажи, что боишься продуть, трус.

Это провокация чистой воды, и Тео это знает. Мой друг продолжает изучать ничего не подозревающую девушку с азартным блеском в глазах. Кажется, рыбка клюнула.

– Не слабо, я сделаю это. На что спорим?

Мои губы растягиваются в широкой улыбке.

– Если ты проиграешь и не сможешь превратить эту серую мышь в модель с обложки, то выйдешь голым на поле.

Тео колеблется всего секунду, обдумывая мое предложение, но уже через мгновение протягивает мне руку с каменным выражением лица.

– Если выиграю я, то ты отдаешь мне свой Кавасаки.

Дерьмо. Мой матовый Кавасаки – единственная вещь, которая позволяет мне чувствовать себя свободным. Но если играть, то по крупному.

– Идет.

Мы жмем друг другу руки, а Эмиль, сидящий рядом, разрывает наше рукопожатие. Я вновь окидываю взглядом фигуру рыжули в мешковатой одежде и понимаю, что победа у меня в кармане.

Выдержав непроницаемый взгляд друга, я достаю из заднего кармана брюк пачку сигарет и зажигалку.

– Если капитан увидит эту штуку в твоих руках, завтра на тренировке он выбьет из тебя всю дурь.

– Капитана здесь нет, так что оставь свои нотации при себе.

Я действительно закурываю сигарету в гостиной дома. Мне плевать.

Выкурив две сигареты и обговорив с Тео детали прошедшей тренировки, я запрыгиваю на стол, привлекая внимание всех присутствующих.

– Дамы и господа, игра “кто кого перепьет”. Итак, кто готов побороться со мной за звание главного тусовщика этого дня?

Все вокруг начинают вопить, соглашаясь с моей фразой. Мой взгляд падает на лицо Тео, который ухмыляется моей выходке.

– Наварро?

– Я пас.

– Конечно, ты пас, – я закатываю глаза и прежде чем отвернуться слышу, как Тео назвал меня идиотом на своем испанском. – Кто-нибудь?

Я издаю разочарованный стон, почему только сейчас я понимаю, что все игроки нашей команды невероятно скучные?

– Я сыграю с тобой, – мелодичный женский голос раздается за моей спиной и мое черствое сердце предательски пропускает несколько ударов, прежде чем свалиться прямо в пятки. Мне не нужно поворачиваться, чтобы узнать, кто стоит за моей спиной.

Но все же я медленно оборачиваюсь, точнее смотрю на нее из-за плеча, показывая свое пренебрежение. Пожар азарта моментально затухает внутри, а с лица исчезает любой намек на улыбку.

Риана Канаева в этом чертовом доме. Стоит посреди гостиной в окружении своей свиты. Ее соблазнительные губы изгибаются в азартной улыбке, но смотрит она так, словно готова совершить массовое убийство прямо сейчас.

Ее волосы цвета корицы собраны в высокий конский хвост, обычная белая футболка идеально сочетается с короткими джинсовыми шортами. Проклятье, она приперлась на вечеринку в соблазнительных джинсовых шортах.

– Королева Сука, серьезно? – Тео усмехается, когда Риана разрывает зрительный контакт и запрыгивает на стол, оказываясь рядом со мной.

– Заткнись, Теодор, – это адресовано моему другу, но она даже не смотрит на него, ее взгляд прикован только к моему лицу.

Я едва не прыскаю от смеха, когда Риана называет Тео его полным именем. Ему это чертовски не нравится.

– Что такое, Ян? – она улыбается, скрещая руки на груди. – Не ожидал меня увидеть?

Твою мать, да! Риана – последний человек, который должен был прийти на эту вечеринку. Она не ходит на подобные мероприятия, это выше ее достоинства. Также она не должна была соглашаться на эту игру со мной.

Она, черт возьми, не должна держать мое холодное сердце в своих изящных пальчиках.
#####

Приветствую всех своих читателей на моей новой истории! Не забываем отложить книгу в библиотеку и поставить "Сердечко - мне нравится"

**Если отложите книгу в библиотеку, то гарантировано будете получать уведомления о новых главах)

 Будет интересно, обещаю.

**

Глава 2

Риана

– Нет, ты не будешь, – сквозь зубы шипит Ян и резко прыгивает со стола, потянув меня за собой. Я пошатываюсь и моя нога соскальзывает с края, но сильная мужская рука окольцовывает мою талию, не давая упасть.

– Не трогай меня, – я пихаю Яна в грудь, когда уверенно стою на ногах, от меня не укрывается, какие стальные и рельефные мышцы формируют его грудь, обтянутую тонкой тканью белой футболки.

Ян – профессиональный футболист и его спортивная форма – результат многочасовых тренировок на поле и мучений в спортивном зале.

– Какого черта ты забыла на этой вечеринке?

Ян вновь тянет меня за предплечье, притягивая к себе и нависая надо мной словно грозовая туча. Еще пять секунд назад он улыбался во весь рот, демонстрируя всем окружающим свои милые ямочки, а сейчас испепеляет меня жгучим взглядом, наполненным яростью и... ненавистью?

– Разве здесь вход по приглашениям? – я развожу руками и скольжу взглядом по лицам присутствующих. Мои подруги – Вероника и Кристина, стоящие за моей спиной, ухмыляются и скрещивают руки на груди с самодовольными взглядами. – Все еще не вижу весомых аргументов, по которым я не могу прийти на вечеринку капитана футбольной команды, учитывая, что я – капитан команды черлидинга.

Мне едва удастся выдержать загустевший свинец его взгляда, который прожигает кожу льдом, также как и его голос, чужой и отстраненный. Почему Ян милый и веселый со всеми, кроме меня? Ах да, я же сама оттолкнула его много лет назад.

Несмотря на внутреннюю панику, которая появляется каждый раз, когда я встречаюсь с ним лицом к лицу, я расправляю плечи, поднимаю выше подбородок и сверкаю глазами. Все, как учила мама.

– Проваливай с моих глаз, Риана, – грубо чеканит Ян. – Ты – королева сука, и тебе здесь не рады.

Мое сердце сжимается так сильно, что мне едва удастся выдержать свою холодную маску. Я обвожу взглядом присутствующих, чтобы рассмотреть их реакцию, ведь мне так важно мнение другие. Спасибо моей матери за эти травмы.

Тео со скукой наблюдает за нашей стычкой, но этому испанцу, по больше части плевать на всех, если дело не касается длинноногих моделей. Вероника и Кристина продолжают стоять за моей спиной, но они всегда примут мою сторону, просто потому что они мои подруги. Никто не слышал как Ян назвал меня *Королевой сукой*, не то, чтобы никто этого не знал, просто я слишком долго зарабатывала себе репутацию снежной королевы, чтобы какой-то голубоглазый блондин с умопомрачительными ямочками перечеркивал весь мой труд.

– Говори за себя, придурок, – я сверкаю глазами. – Любой парень в этой комнате захочет меня в своей постели.

К моему удивлению уголок рта Яна дергается и он ухмыляется своей фирменной акушкой улыбкой. Черт бы побрал его ямочки.

Внезапно он наклоняется надо мной низко, что тонкий аромат мускуса и корицы проникает в мой нос и будоражат рецепторы. Что-то непонятное шевелится в моей груди и я сильнее поджимаю губы.

– Ты только на это и годишься, – его полупшепот вызывает мурашки по моей коже и я нервно сглатываю набухший в горле ком. Его палец играет с моим локоном и я борюсь с

желанием тоже прикоснуться к его волосам цвета пшеницы. – Ты такая же поверхностная, как и твои глупые подруги.

Обжигающий жар поднимается вверх по моей шее и к лицу, омывая меня раскаленным докрасна смущением, смешанным со слепящим гневом. Но я не показываю своей эмоциональной паники. Если Ян думает, что меня легко сломить, то он глубоко ошибается.

– Пошел ты, Стоцкий, – откидываю волосы назад и натянуто улыбаюсь, словно меня не задела его слова. Черта с два я покажу ему свою слабость. – Ты – обыкновенный тупой стероидный футболист, который не умеет ничего кроме как пинать мяч и пользоваться своей смазливой внешностью, чтобы залезть под юбку к каждой девушке, которую ты видишь.

Что-то непонятное светится в глубине его глаз и они приобретают совсем другой оттенок синего.

– Ах да, есть одно исключение. Ты никогда не сможешь заполучить меня.

Его взгляд еще сильнее помрачнел, теперь он смотрит на меня исподлюбя так, словно собирается задушить меня на глазах у всех. Явный признак того, что у меня получилось его задеть.

Не дождавшись его ответа, я обхожу его и направляюсь в кухню, чувствуя жжение на своем затылке от его пристального взгляда.

– Придурок, – Кристина цокает языком и начинает рыться в своей брендовой сумочке, пытаясь отыскать помаду и зеркало.

– А мне он кажется хорошеньким.

Я медленно поворачиваюсь к Веронике, которая продолжает мечтательным взглядом смотреть на Яна, который на данный момент вливает в свою глотку янтарную жидкость прямо из бутылки.

– Ничего сказать мне не хочешь?

Взгляд подруги прыгает с Яна на мое недовольное лицо, и влюбленная улыбка моментально гаснет. Вероника тянется к своим волосам и начинает нервно тереть светлую прядь.

– А что я должна сказать?

– Я видела, как ты терлась об него, словно мартовская кошка.

Я ненавижу сам факт того, что испытываю необоснованную ревность к Яну. Он должен быть самым последним человеком, имеющим право занимать мои мысли, но, тем не менее, я продолжаю вспыхивать каждый раз, когда вижу его рядом с другими девушками. А вокруг футболистов всегда полно фанаток, готовых на все угодно, лишь бы их предмет мечтаний дотронулся до них. Особенно учитывая, что Ян, несмотря на свое пристрастие к тусовкам, один из лучших защитников футбольного клуба “Престиж”.

– В чем проблема, Ри? – Вероника начинает хлопать нарощенными ресницами. – Я не думала, что ты приедешь на эту вечеринку. Ты никогда не ходишь на тусовки.

Верно. Я считаю эти скопления пьяной молодежи с морем выпивки и мимолетным сексом в ванной комнате – просто отвратительными. Но я готова была отправиться куда угодно, лишь бы не слышать крики родителей и не видеть отвращения в глазах матери.

Вечеринка Эмиля – одного из игроков нашей команды, позволила мне хоть на один вечер забыть о своих проблемах в семье и перестать быть запертой в собственной голове. Но никто не в состоянии этого понять. Никто не знает меня настоящую. Все думают, что я сука с холодным сердцем, но никто и не догадывается, что это лишь отличная актерская игра.

– И именно поэтому вы чуть не занялись сексом на том диване? Что я говорила насчет Яна? Он – последний человек, с которым ты должна была связываться.

Вероника смотрит на лицо Кристины, пытаясь отыскать поддержку, но та лишь пожимает плечами и рассматривает свой маникюр.

– Ри права. Если ты не хочешь вылететь из группы поддержки, держись подальше от парней из нашей команды.

Кристина нравится мне больше, во-первых, у нее лучшая растяжка и именно поэтому я всегда ставлю ее на верхушку пирамиды, во-вторых она сообразительней Вероники и не спит с каждым вторым парнем, и в-третьих, она моя лучшая подруга уже много лет подряд.

Я смирять взглядом Нику, ее лицо покраснело от смущения и гнева, глаза лихорадочно блуждают по моему лицу, а пальцы нервно теребят золотистый локон.

– Я серьезно. Держись от него подальше.

– Ладно, Ри, я поняла, – Ника вскидывает руки. – Сказала бы сразу, что хочешь сама его трахнуть.

– Что, прости? – у меня едва не падает челюсть от ее слов. – Ян – никто для меня, очень глупо полагать, что я когда-нибудь захочу его.

Лгунья. Какая же я лгунья.

Он – лучшее, что было со мной с самого детства, но никогда ему в этом не признаюсь.

– Ладно, прости, я не хотела тебя расстраивать, – Ника жмет ко мне и ее приторные вишневые духи забивают мои рецепторы. – Мы все также лучшие подружки, верно?

Я вымученно улыбаюсь. Как будто мы когда-то ими были.

– Эй, девчонки, не хотите сыграть в пинг-понг? – к нам подходит парень из второго состава нашей футбольной команды. Я даже не знаю его имени.

Он высокий и симпатичный. Каштановые волосы растрепаны и торчат в разные стороны, а глаза озорно блестят.

– Отвали, – Кристина морщит лицо.

Я уже собираюсь ответить, чтобы он держался подальше, как в углу гостиной замечаю, как Ян зажимает какую-то брюнетку. Она кокетливо улыбается ему, пока он склоняется к ее уху и шепчет какие-то слова, которые заставляют ее искренне засмеяться.

Кабель.

– А давай, – отвечаю я прежде, чем успею пожалеть о своих словах. Улыбка парня становится еще шире, когда он закидывает свою тяжелую руку мне за плечо.

– Я знал, что Королева сука на самом деле не сука.

Я отталкиваю его руку и поправляю свою белую футболку.

– Поаккуратнее с прикосновениями, – легкая улыбка трогает мои губы. – Я даже не знаю твоего имени.

– Андрей, – парень лыбиться, словно идиот, что вызывает во мне желание засмеяться. Это редкость, так что спасибо его глуповатому виду за то, что на мгновение заставил меня забыть о внутреннем хаосе.

– Ну, тогда веди, Андрей.

– Ты рехнулась, Ри? – Вероника хватается меня за руку. – Собираешься общаться с этим убожеством?

Я выдергиваю свою руку из ее хватки и окидываю девушку хмурым взглядом.

– Помолчи и не смей так дергать меня, ясно?

Руки Ники опускаются вдоль тела и она раздосадованно поджимает пухлые губы.

Я ухожу вместе с Андреем в другую комнату, Кристина идет за мной, продолжая залипать в своем инстаграме, а Ника остается стоять на кухне в одиночестве. Но это не надолго, зная эту девушку, они либо побежит за мной, как это делала всегда, либо перепихнется с каким-нибудь пьяным парнем, который даже не вспомнит ее имени.

Мы играем в “ВодкаПонк” – как назвал эту игру Андрей. Мы с этим парнем в одной команде против двух других девушек. Эта игра похожа на классический пинг-понг, только на противоположных краях стола стоят стаканчики, наполненные вишневой водкой. При попадании шариком в стаканчик противника, проигравшему необходимо выпить алкоголь до дна. Глупая игра, смыслом которой является напиться до чертиков, но я впервые за долгое время так громко смеялась, так что я не против немного выпить.

Мы с Андреем в итоге выиграли, но к концу игры я чувствовала головокружение и онемение в пальцах. Это значит, что я прилично надралась, кто, к слову, обещала себе не делать. К черту мой статус, к черту все маски, к черту репутацию. Я так устала проживать жизнь, которую выбрала для меня мать, что чувствую, как вот-вот сломаюсь.

Приступ рвоты поступает к горлу, когда я толкаю входную дверь дома, пытаюсь выйти на улицу, чтобы вдохнуть свежий воздух. Но перед глазами начинают мелькать черные мушки, мои ноги подкашиваются, когда я делаю шаг с крыльца и едва не лечу кубарем вниз по ступеням.

От сильного падения и сломанной шеи меня спасают чьи-то сильные руки, обхватившие мою талию в нежном жесте. Или мне только кажется, что он был нежным.

– Ты украл цвет глаз у моря и неба, верно? – невнятно бормочу, поднимаю руку и провожу пальцами по щетинистому подбородку.

Прежде чем упасть в небытие я чувствую, как меня отрывают от земли, затем куда-то несут и аккуратно кладут на что-то холодное и пахнущее настоящей кожей.

Глава 3

Риана

Пронзительная музыка заставляет меня распахнуть глаза и вскочить на месте. Дрожащими руками я беру свой телефон и смотрю на входящий вызов. Мама.

Нет, нет, нет. Это плохо, очень плохо. Мама никогда не звонит мне, она любит ограничиваться лаконичными сообщениями. Я продолжаю смотреть на экран, пока мой мозг с трудом обрабатывает информацию и решает, что делать. Когда мама сбрасывает, я смахиваю панель уведомлений вниз и понимаю, что у меня три пропущенных от нее.

Черт.

Телефон вновь вибрирует, и я дергаюсь вместе с ним.

Мама: *“У тебя большие проблемы, юная леди!”*

Часы показывают десять утра, а это значит, что я пропустила свое утреннее занятие по сольфеджио. А я *никогда* не пропускаю свои занятия. Должно быть, мой преподаватель сообщил моим родителям о пропуске. Замечательно.

Только сейчас понимаю, что моя голова вот-вот взорвется, и поэтому я отбрасываю телефон в сторону и со стоном падаю обратно на подушку.

Подождите ка... В моей комнате нет такой люстры, и моя кровать застелена сиреневым пастельным бельем, а не черным. Проглотив ком в горле, я медленно встаю на локтях и обвожу взглядом незнакомую комнату. Комната выполнена в серо-белых тонах, очень много пространства, мебель простая и правильная по форме: журнальные столики на колесиках, стулья из гнutoго металла, стеклянные стеллажи, модульное кресло в углу. Здесь непривычно чисто и светло.

Паника начинает хвататься за мой разум, когда ощущаю провалы в памяти и совсем не понимаю, как могла здесь оказаться. Я ошупываю себя и понимаю, что на мне широкая черная футболка, доходящая до середины бедра, а под ней мое кружевное нижнее белье.

Когда в углу комнаты я нахожу гантели, а на спинке стула висят мужские джинсы, я понимаю, что это... Мужская комната.

Нет, нет, нет. Пожалуйста, пусть это будет дурным сном. Я не могла переспать по пьяне с первым встречным парнем.

Как на зло, соседняя дверь, которую я не сразу заметила, открывается и в комнату входит мой ночной кошмар. Очень соблазнительный ночной кошмар. С мокрым полотенцем на бедрах, с хорошо очерченными шестью кубиками, по которым стекают капли воды, исчезая за тканью полотенца, и бесячей ухмылкой на лице с неизменными ямочками.

– Проснулась?

Ян выглядит так, словно только что сошел с обложки модного журнала, хотя на самом деле он всего лишь вышел из душа. Он двигается ко мне, словно хищник, гипнотизируя жертву своим голодным взглядом. Я натягиваю одеяло до подбородка, словно оно может спасти меня от него.

– Что я тут делаю? – мой голос дрожит и трескается, как бы я не пыталась контролировать его.

– Ты тут ночевала.

– Почему?

– Потому что ты так напилась, что едва могла двигать ногами, – он встает напротив кровати и с насмешкой в глазах изучает мое лицо, пока его руки продолжают вытирать светлые мокрые пряди. – Или ты бы предпочла, чтобы я отвез тебя домой и твоя мать-тиранша увидела свою примерную дочь в алкогольном опьянении?

Я моментально вспыхиваю, огонь распространяется по всему телу, опалая шею, щеки и грудь. Откуда он знает о моих тяжелых отношениях с мамой?

– Не говори так о ней! – я вскакиваю с кровати, но сразу же тяну футболку вниз, как будто это спасет меня от жадного взгляда Яна.

И в этот момент меня осеняет. Я в его футболке, под которой только мое нижнее белье.

– Т-ты передел меня?

Он вздергивает уголок и делает шаг ко мне, отчего запах его геля для душа проникает в нос.

– Пришлось, вся твоя одежда была испачкана. Тебя стошнило в моей машине. Кстати, с тебя мойка.

Кровь неумолимо приливает к лицу, отчего щеки обдает жаром.

– О, черт.. – стонет Ян хриплым голосом. – Не думал, что королева сук может смущаться.

– Заткнись!

Ян начинает смеяться, его смех глубокий и искренний, проникающий куда-то в глубины моей души и заставляющий мое сердце пропустить несколько ударов. Прежде чем у меня получится с треском провалиться на его глаза, я начинаю метаться по комнате в поисках одежды.

– Отлично, тогда ты не будешь против, если я позаимствую твои шорты, – я хватаю спортивные белые шорты с полки и в спешке начинаю натягивать.

– О, не утруждай себя, я переодевал тебя, помнишь? – снова его акулья ухмылка, которую хочется стереть с его красивого лица. – Красное кружевное тебе идет, для кого наряжалась?

– О, Боги, заткнись!

Если бы я стояла лицом к нему, он бы вновь стал смеяться на тем, насколько сильно покраснело мое лицо.

Между нами повисает молчание, но я не против. Я рада, что он заткнулся до того момента, пока я не уберусь отсюда.

– Помнишь, ты говорила, что я никогда тебя не получу? – я вздрагиваю, когда его хриплый и серьезный голос звучит прямо за моей спиной. Кто научил его так бесшумно передвигаться?

Я медленно оборачиваюсь и то, что я вижу в голубых глазах Яна, мне совсем не нравится. Они стали более темного оттенка, словно грозовые облака перед ливнем, а Ян никогда не бывает серьезным.

– Что ты имеешь в виду?

Не дрожи, Риана, успокойся. Он блефует.

– Ты проиграла, ты стала моей этой ночью, – его пальцы обхватывают мой подбородок и немного приподнимают, заставляя посмотреть на него. – Каждая гребаная частичка тебя стала моей.

Я не успеваю понять, как бью его по щеке. Ян опускает мой подбородок, и его голова рефлекторно поворачивается в сторону, а щека моментально покрывается красными пятнами от моей ладони.

– Ты – настоящая свинья! Я была пьяна, а ты воспользовался моим состоянием.

– Ты не очень-то сопротивлялась, *куколка*, – рычит сквозь плотно стиснутые зубы. Он взбешен, господи, Ян Стоцкий взбешен. – Точнее, ты молила меня трахнуть тебя.

Я вновь поднимаю руку, но он перехватывает ее и отбрасывает в сторону.

– Сложно посмотреть правде в глаза, малышка Ри? – он толкает меня в стену, и я больно бьюсь об нее лопатками. – Тебя трахнул такой мудака, как я, ты разочарована, верно?

Мой подбородок дрожит, когда каждое его слово впитывается в мой разум. Я не должна плакать. Никто не имеет права видеть мои слезы, только я, но внутри меня все трещит по швам, и я едва сдерживаю себя, чтобы не развалиться на мелкие кусочки.

– Ты лжешь... – мой голос звучит неуверенно и жалко.

Почему из всех людей на свете именно рядом с ним я не в состоянии удержать свою броню? Почему только он может заставить чувствовать себя жалкой и униженной?

– Если тебе будет от этого легче, то можешь врать себе, но мы переспали и тебе придется смириться с этим фактом, – он делает шаг назад и покидает мою орбиту и вместе с этим позволяя сделать мне вдох полной грудью. Я даже не замечала, как задерживала дыхание.

– Это не правда... – я продолжаю шептать себе под нос, доказывая самой себе, нежели ему.

Его глаза жестокие и холодные, теперь они не моего любимого цвета лазурного моря, а оттенка надвигающейся зимы, которая заставит меня страдать от холода.

– В тебе столько пафоса, Риана, ты строишь из себя чертову непробиваемую королеву, но в постели ты полный ноль. Ты не впечатлила меня.

И тут я ломаюсь. Тупая боль собирается где-то в середине живота от безысходности и что-то вдруг выстрелом проходит внутри меня.

Это так... унижительно. Всю свою жизнь я строила свою репутацию, отлично справлялась со своей ролью, чтобы не разочаровывать маму, а Яну достаточно сказать мне пару слов, чтобы я разбилась на тысячи осколков.

Было ли мне больно? Был ли он со мной нежен? Шептал ли слова любви на ухо, медленно двигаясь во мне, как это делают герои в моих книгах? Была ли кровь?

Все эти вопросы вихрем проносятся в моей голове всего за несколько секунд молчания.

Это так больно, понимать, что Ян – был моим первым, а я даже ничего не помню. Не о таком первом разе я мечтала. Это так унижительно слышать, как ты не впечатлила парня, о котором тайно мечтала всю свою жизнь. Это просто... Невыносимо.

Но Ян забывает, что я отказываюсь падать так быстро. Если я пойду на дно, то захвачу его вместе с собой.

– Думаешь, твои слова что-то для меня значат, Стоцкий? – внутри я плачу, но внешне я скрещиваю руки на груди, вздергиваю подбородок и испепеляю горящим вызовом взглядом. Все, как учила мама.

“Ты моя дочь, Риана, а нас никто не сбивает с пути.” – слова мамы эхом раздаются в голове, и я прокручиваю их снова и снова, чтобы наполнить себя уверенностью.

Я не должна жалеть себя, я должна заставить его пожалеть. Я должна заставить его почувствовать мою боль.

– Ты должен благодарить гребаного Господа Бога за то, что прикоснулся ко мне, – я наслаждаюсь с тем, как с каждым моим словом глаза Яна темнеют, ноздри раздуваются, а вена на лбу начинает бешено пульсировать. Отлично, мне удалось выпустить зверя из клетки. – То, что было – ошибка, ты – ошибка, и этого никогда не повторится. Так уж и быть, можешь вспоминать эту ночь, как самую лучшую в своей жизни.

Я подхожу к нему так близко, что моя грудь касается его.

– Ты будешь сравнивать меня со всеми другими девушками, но ни в одной не можешь найти утешение.

Он смотрит на меня, слегка наклонив голову, с молчаливым маниакальным интересом вперемишку с едва скрываемой агрессией.

Я чувствую себя победителем, когда разворачиваюсь на пятках и выхожу из его квартиры. Когда набираю своему водителю и прошу забрать меня. Когда вхожу в дом родителей и запираюсь в своей комнате.

Хорошо, что мама не увидела меня в таком виде: в мужской футболке и шортах, которые свисают с моих бедер, с растрепанными волосами и без макияжа. Хорошо, что мой водитель никогда не задает лишних вопросов.

“Запомни, если ты не нанесешь ответный удар, люди будут топтать тебя со всех сторон.” – слова мамы всегда были моей мантрой. Моя мать была холодной и деспотичной женщиной, но всегда раздавала нужные советы.

Это единственный раз, когда я хочу поблагодарить свою мать.

Я поставила Яна Стоцкого на место. Дальнейший план: поставить его на колени

Глава 4

Ян

– Все внимание сюда, – в раздевалку входит наш тренер – Дмитрий Морозов, которого мы в шутку называем “Дед Мороз”. Нам весело, и он не обижается. – С дисциплиной все у вас плохо. Разбор полетов будет завтра по расписанию. Опоздавшим двадцать отжиманий.

Смерив всех нас пристальным взглядом, Морозов выходит из раздевалки, держась за свою ногу. Травма малой берцовой кости поставила крест на его карьере в профессиональном спорте, и теперь Мороз вынужден тренировать таких обалдуев, как мы.

– Че с Морозом такое сегодня? Рвет и мечет, – спрашивает кто-то из команды.

Я хватаю полотенце и вытираю пот с висков, тренировочная форма насквозь промокла и прилипает к телу. Потянув за горловину, снимаю футболку через голову и кидаю в сумку.

– Потому что дисциплины в команде нет, – Арт, наш капитан, встает у своего шкафчика с оголенным животом и испепеляет нас убийственным взглядом.

– Так команда новая, дай хоть притереться друг к другу, – встревает кто-то.

– У нас игра через пару недель, когда ты собрался притираться?

Арт – лидер по натуре и привык диктовать свое мнение во всем, наверное, поэтому его выбрали нашим кэпом.

– Не кипятись, Арт, поняли мы, – мой голос сухой и грубый, что на меня совсем не похоже.

Кэп тут же переводит взгляд на меня и задерживает его на моем лице дольше, чем полагается. Я отворачиваюсь и продолжаю складывать вещи в спортивную сумку, полностью игнорируя внимание Тео, который, черт возьми, тоже решил устроить психоанализ моей личности.

– Потусили на вечеринке у Эмиля и хватит, чтобы завтра все были собраны и в полном составе, иначе победы на товарищеском матче нам не видать.

В раздевалке раздается гул, кто-то обсуждает сегодняшнюю тренировку, кто-то предпочитает вспоминать тусовку в честь дня рождения Эмиля. Я, напротив, хотел бы навсегда забыть тот день. И дело совсем не в зеленоглазой брюнетке, которая напилась до чертиков и устроила настоящее представление на барном столе.

Периферическим зрением замечаю необходимый объект моей ненависти, который гогочет у своего шкафчика со своим другом и стягивает вниз спортивные шорты. Сегодня была совместная тренировка со вторым составом, так что мне крупно повезло, что этот клоун Филатов тоже здесь. Специально медлю, дожидаясь пока все либо выйдут из раздевалки, либо переместятся в душ.

Судьба сегодня ко мне благосклонна и вскоре я и Андрей остаемся одни в раздевалке. Мудак хватается мыльные принадлежности и, насвистывая себе под нос, направляется в сторону душевой кабины.

– Эй, Филатов, притормози.

Он тут же замирает и быстро разворачивается на пятках.

– Слушаю? – мудак выгибает бровь.

Я молчу, когда медленно иду на него, испепеляя взглядом исподлобья, молчу, когда толкаю его к стене, отчего Андрей шатается и удивленно распахивает рот, молчу, когда бью кулаком по ребрам, отчего Филатов корчится от боли и складывается пополам.

– Какого хрена?!

– А теперь послушал сюда, щенок, – поднимаю его рожу за длинные волосы так, чтобы он четко расслышал мои слова. – Девчонок любишь напавать, да?

– О чем ты, блядь? – рычит сквозь плотно стиснутые зубы и смотрит кровавым взглядом.

– Еще раз приблизишься к Риане, я тебе все зубы выбью, до конца жизни есть через трубочку будешь, понял?

Бурлящий в венах гнев ослепляет и затуманивает рассудок. Никогда бы не подумал, что способен на подобную агрессию, но когда дело касается *нее*... Я теряю всякое самообладание.

Если я не могу иметь ее, то никто не получит.

– Ты про эту сексапильную малы...

Филатов не успевает договорить, как я вновь быю его, но на этот раз по печени. Мудак скулит, словно побитая собака, и начинает посыпать меня всевозможными проклятиями.

– Кивни, если услышал.

Не реагирует.

– Кивни блядь, – говорю громче и грубее.

Два кивка. Отлично. Отпускаю бедного парня и разворачиваюсь, чтобы уйти, но знакомый голос окликает меня.

– Ян!

Смотрю на Арта через плечо. Он стоит в одном полотенце на бедрах, брови сведены к переносице, а взгляд вот-вот проделает дыру в моем лбе.

– Какого хрена происходит?

– Ничего. Андрею стало плохо, верно?

Филатов сглатывает, но быстро поднимается на ноги и неуверенно кивает.

– Все в порядке, кэп, – говорю своим привычным веселым голосом. Я отлично играю свою роль местного клоуна.

– Ты мой друг, но мне не нужен конфликт в команде.

– Есть, капитан! – отдаю честь двумя пальцами и на той же веселой ноте удаляюсь в душ. Мне нужно остыть, а прохладная вода отлично этому способствует.

#####

Когда я паркуюсь на своем привычном месте, сразу же замечаю внедорожник со знакомыми номерами. Дерьмо. Если отец вылез из своего кабинета и соизволил приехать ко мне, значит я либо где-то накосячил, либо он вспомнил про существование своего сына.

Отдаю предпочтение первому варианту.

Стою напротив входной двери, рука лежит на металлической ручке, а глаза бесцельно смотрят на номерной знак. Не знаю, зачем медлю, наверное, чтобы собраться с силами перед очередным конфликтом с отцом. Знаю же, что бури не миновать, так чего оттягивать?

Вхожу в квартиру так, словно ничего не произошло и воздух не трещит от напряжения. Кидаю спортивную сумку на софу, снимаю кроссовки и вхожу в гостиную.

Отец, скрестив ноги в лодыжках, сидит в сером кресле в своем дорогом костюме-тройке, который шьют для него и только для него, и вертит в руках пустую бутылку скотча.

Дважды дерьмо.

– Отец.

Максим Стоцкий – лучший адвокат нашего города, по меркам общественности завидный холостяк и успешный бизнесмен, но никто не знает, что он также холодный и жестокий отец, который до мозга костей разочарован в своем младшем сыне.

– Ян, – его голос грубый и отчужденный.

– Что ты здесь делаешь? Предупредил бы, я бы устроил для тебя чайную церемонию.

Глаза отца заостряются, а черты лица напрягаются. Я знаю этот взгляд. Взгляд, кричащий *“как ты можешь быть моим сыном, клоун?”*

– Я все жду, когда ты повзрослеешь, но, видимо, ты никогда не поменяешься.

Улыбка сходит с моего лица. Как бы я не хотел отшучиваться и скрывать свои настоящие чувства под маской весельчака, мой отец – тот самый человек, которому достаточно одного взгляда, чтобы моя маска треснула.

– Мне звонили из деканата. Ты не посещаешь занятия.

Черт.

Я подпираю дверной проем своим плечом и устало провожу рукой по взъерошенным волосам.

– Что я тебе говорил, про твой футбол? – на лбу отца начинает пульсировать вена и это может значить одно: он в ярости. – Я сделаю так, что тебя выпрут из твоего “Престижа”, если учеба будет хромать.

– Я помню.

– Тогда какого хрена мне приходится краснеть перед какими-то букварями? – рычит сквозь плотно стиснутые зубы и плотно сжимает челюсть так, что зубы едва не крошатся.

– Я закрою все долги, тебе не о чем переживать.

– Мне не о чем? Это тебе, сынок, стоит подумать дважды, прежде чем что-то делать. Ты позоришь мою фамилию.

Я даже не смотрю на него, до такой степени мне ненавистен этот человек. А эту фразу про позор семьи я слышал сотни раз, начиная с самого детства.

– Я все исправлю.

Отец, наконец, вспоминает про пустую бутылку в своих руках, и с оглушительным ударом ставит ее на стол.

– Ты снова выпиваешь?

Молчу.

– Отвечай, когда я с тобой разговариваю!

Бросаю пренебрежительный взгляд на мужчину, который дал мне жизнь и в очередной раз замечаю нашу с ним схожесть. Начиная от светлых волос, заканчивая широким разворотом плеч. Я – его сын и никакой тест ДНК здесь не нужен.

– Иногда.

Он устало вздыхает и поднимается со своего места. Его руки покоятся в карманах брюк, когда он идет в мою сторону, но совершенно на меня не смотрит. Поравнявшись со мной, отец бросает через плечо:

– Разве ты можешь быть еще большим разочарованием?

Глава 5

Риана

Когда выхожу из душа и скидываю мокрое полотенце, то остаюсь в одних сиреневых кружевных трусиках. Взяв в руки свой смартфон, я открываю групповой женский чат:

Риана: Кто-нибудь потрудится объяснить, почему никто не остановил чертового Яна, который затащил меня к себе в берлогу?

Кристина: Ты трахнулась со Стоцким?

Риана: Я не помню, потому что в моей крови было слишком много алкоголя!

Кристина: Черт, это плохо.

Риана: Я всегда вытаскивала твою пьяную задницу из неприятностей, Крис. Почему тебя не было рядом, когда Ян закидывал мое тело в свою тачку?

Кристина: Прости, Ри. Мне папа позвонил в тот момент, и я несколько часов проговорила с ним по FaceTime. Ты же знаешь, что у нас разные часовые пояса.

Риана: Ника?

Кристина: Она трахалась с каким-то мутным типом в туалете.

Я морщусь после прочтения этого сообщения.

Вероника: Он не мутный!

Кристина: Он выглядел как владелец подпольного клуба, весь в татуировках и с пирсингом, все дела.

Вероника: И что? Это не значит, что он наркоман. Между прочим, он подрабатывает в приюте для бездомных животных!

Риана: Вы успели побеседовать, когда его член был в тебе?

Кристина: “смеющийся смайлик”

Вероника: Идите в задницу, ясно?

Риана: В любом случае это не отменяет того факта, что вы кинули меня, сучки. Теперь у меня большие неприятности.

Кристина: Какие?

Вероника: Ты правда переспала с Яном? А мне говорила, что он тебе не нравится!

Я шумно выдыхаю и убираю телефон на прикроватную тумбу. Продолжать этот глупый диалог больше нет смысла. Мои подруги даже не попытались остановить Яна, который намеренно тащил меня к себе в квартиру, чтобы переспать. Мудак.

Если все действительно так, как он говорит, то правда, что я сама лезла к нему? Вдруг он на самом деле просто хотел, чтобы я спокойно выспалась, а я стала сама флиртовать с ним? В конце концов, наши родители хорошо общаются, а мы раньше были близкими друзьями детства. Он ведь не мог так со мной поступить и воспользоваться моим беспомощным телом, верно? Что если он играет на моих чувствах?

В любом случае, он – конченный идиот. Я обнимаю подушку и позволяю себе еще пять минут бесцельно разглядывать потолок, прежде встать с кровати и взять себя в руки. Я натягиваю свой спортивный топ и лосины, беру плеер и наушники в руки и спускаюсь на первый этаж.

Я прохожу мимо гостиной, стараясь издавать минимум звуков, но моя внимательная мама успевает меня заметить прежде, чем мне удастся улизнуть из дома незамеченной.

– Риана.

Я замираю, натягиваю легкую улыбку и поворачиваюсь к матери.

– Да?

– Подойти ближе.

Мне приходится поджать губы, чтобы хоть как-то скрыть свои эмоции. Я пересекаю нашу просторную гостиную и останавливаюсь напротив дивана. Мама сидит полулежа напротив

камина, в котором потрескивают дрова и угли, ее ноги с французским маникюром покоятся на пуфике, а в руке бокал белого вина.

– Куда ты идешь?

– Собиралась встретиться с Кристиной и Никой, – завожу руки за спину и прячу в руках плеер с наушниками.

Это вранье, я собиралась устроить вечернюю пробежку под любимую музыку, чтобы очистить голову от дурных мыслей.

Идеально выщипанная бровь мамы изгибается, но при этом на ее лице нет ни единой морщинки. Это все заслуга ботокса и ее высококлассного косметолога.

– В таком виде? – ее оценивающий взгляд скользит по моему телу и мне хочется сжаться до крошечных размеров. Я всегда чувствую себя лабораторной мышкой, когда она смотрит так.

– Э-эм, да. Мам, я тороплюсь, можно мне идти?

Она молчит долгие пять секунд, которые кажутся мне вечностью. Ее взгляд темнеет, прежде чем брови недовольно сведутся к переносице.

– Сколько ты вешишь?

– Ровно пятьдесят.

– Встань на весы.

– Мам, пожалуйста, – мой голос дрожит и надламывается. И я чертовски ненавижу это состояние.

– Я сказала, встань на весы!

Проглотив набухший в горле ком, я аккуратно кладу плеер и наушники на диван и иду в ванную комнату, а мама, словно надзиратель в тюрьме, следует за мной.

Дрожь пробегает вдоль моего позвоночника, когда я задерживаю дыхание и вижу на весах цифру 52,8.

Мне страшно поднимать голову, но все же я это делаю и встречаюсь с недовольным взглядом мамы в отражении зеркала. Она всегда так смотрит, когда мы наедине. Этот взгляд кричит *“Ты – самая ужасная дочь на свете”*, и все внутри меня ломается.

Безусловно, если мы на публике, моя мать превращается в самую счастливую женщину на свете и говорит журналистам, как она горда быть моей матерью. Дело в том, что Екатерина Канаева, моя мать – известная модель не только в нашей стране, но и за ее пределами. На ее счету множество обложек модных журналов, брендовых показов, фотосессий и бессчетное количество выигранных конкурсов красоты.

А я, как она считает, ее самый худший провал в жизни.

– Все дело в шоколадных батончиках, которые ты ешь втайне от меня! – мама прожигает дыру в моем затылке одним взглядом.

– Я не ем сладкое, и ты знаешь причину!

Дело в том, что у меня сахарный диабет, из-за которого я держу строгую диету, и в моей сумочке всегда находится инсулиновый шприц на случай, если уровень сахара в крови станет критическим.

– Тогда дело в булках! – мама хватается за голову и начинает тереть пальцами виски. – Господи, Риана, неужели тебе нравится быть толстухой?

Мой подбородок дрожит, когда я с силой сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в кожу. Я не толстая, совсем не толстая. У меня хорошая фигура.

– Я... Я просто... Это всего лишь два лишних килограмма, мам. Я завтра сброшу их на тренировке.

Мама разочарованно качает головой.

– Сыграй для меня.

– Но мам...

– Сколько ты еще будешь перечить матери?! – она сжимает губы, напрягает скулы и сверкает красивыми зелеными глазами. Точь-в-точь как мои.

Когда я сижу за фортепиано, мои колени дрожат, а пальцы трясутся так, что я боюсь не попасть по клавишам. Но затем я вспоминаю про то, что это все скоро закончится, мама ляжет спать, напившись своего вина, я смогу пойти на пробежку и измотать себя до тех пор, пока мой мозг не отключится, едва коснувшись подушки.

– Давай моего любимого Майкла Аарона - "Брызги прибоя", – мама встает рядом со мной и кладет один локоть на верхнюю крышку фортепиано, пока другая ее рука продолжает подносить к губам бокал вина.

Я играю в привычной манере, плавно и точно попадаю в ноты. Благодаря многолетнему обучению в школе искусств, я отточила этот навык до совершенства. Однако я ненавижу эти ноты, это фортепиано и все, что связано с искусством. Это была мамина прихоть – отдать меня в школу искусств, и так как она любит классическую музыку, я обязана играть ее любимого Майкла Аарона каждый чертов вечер, когда у нее дурное настроение.

Внезапно мама толкает крышку так резко, что я едва успеваю убрать пальцы с клавиш до того, как она ломает мне фаланги.

Мое сердце начинает бешено биться в грудной клетке, когда я поднимаю голову и, совсем не скрывая своего шока, смотрю на разгневанное лицо матери.

– Разве ты можешь быть еще большим разочарованием?

Глава 6

Ян

Пронзительный свист гудит в ушах, и я возвращаю взгляд на поле, но натыкаюсь на прищуренный взгляд тренера.

– Стоцкий, ты для чего вышел на поле? Чтобы разглядывать трибуны?! – Дим Саных начинает кричать и приплетать к своим ругательствам мат.

После слов тренера я заставляю себя сконцентрировать внимание на игре, и в этот момент мимо меня пролетает мяч, я бегу за ним, блокирую удар Гранина, отдаю пас Тео, который в эту же секунду забивает гол в ворота противника.

Матч внутри нашей команды заканчивается с нашей победой, но Дед Мороз отказывается нас отпускать, нагружая перед товарищеским матчем, который должен произойти через пару недель.

Выполняя отжимания, я вновь смотрю на трибуны, и мои глаза без труда находят макушку темных волос. Волосы Рианы собраны в высокий конский хвост и ниспадают на оголенные плечи, я не понимаю, почему она всегда собирает их, я бы предпочел, чтобы ее волосы были распущены.

На ней сиреневый спортивный топ и такого же цвета лосины, обтягивающие ее упругую задницу. У Риана сногшибательная фигура и меня сводит с ума мысль, что на ее ягодицы может посмотреть еще кто-то другой, кроме меня. Она стоит у подножия трибун и выкрикивает счет, пока девушки из ее команды размахивают красными помпонами и прыгают, выполняя упражнения.

– Хорошая картина, согласен, – я не замечаю, как Тео оказывается рядом. Он также как и я тяжело дышит и его майка прилипает к телу от пота.

– Не понимаю о чем ты, – я моментально отворачиваюсь, делая непроницаемое лицо и надеясь, что Тео не заметил, как я всю тренировку разглядывал Риану.

Наварро, кажется, хочет сказать что-то еще, но в это время тренер озвучивает окончание тренировки и просит Арта подойти к нему для дальнейших указаний. Мы всей командой подходим к трибунам, схватив бутылку, я начинаю жадно вливать воду в свою горло, а мой взгляд рефлекторно перемещается к девушке в сиреневых лосинах.

Сиреневый – ее любимый цвет с самого детства. И черт бы меня побрал за то, что я до сих пор это помню.

– Та блонди с вечеринки Эмиля не сводит с тебя взгляда, – голос Тео вновь раздается за моей спиной и уже через мгновение он оказывается справа от меня. Его взгляд также как и мой прикован к группе поддержки, которые на этот раз выполняют акробатические упражнения.

– Ты шпионишь за мной, гребанный сталкер?

– Просто анализирую твое странное поведение за последние несколько дней, – Тео пожимает плечами. – Учитывая тот факт, что ты даже не знаешь имени этой блондинки, вероятнее всего ты залипаешь на *Королеву суку*, чей инстаграм ты пролистываешь по несколько раз на дню.

Проклятье. Неужели моя одержимость Рианой была настолько очевидной?

– Слушай, че тебе от меня надо? – я разворачиваюсь к другу, который переводит на меня абсолютно непроницаемый взгляд. Черт бы побрал его контроль над эмоциями.

– У тебя проблемы, Ян, я это вижу.

Я разворачиваюсь.

– Нихрена ты не видишь.

Я стараюсь как можно быстрее принять душ и переодеться, чтобы успеть в универ до того, как Самойлова уйдет домой. По приказу отца я учусь на юридическом факультете, что, к

слову, я ненавижу, и у меня жесткие прогулы по уголовному праву, так что мне нужно выловить преподашу и попросить ее дать мне дополнительные задания.

Я учусь на юриста только ради футбола. Если я брошу учебу, отец поднимет все свои связи и добьется того, чтобы меня не только выгнали из “Престижа”, но и не взяли ни в один Питерский клуб. Ему плевать на мою мечту связать жизнь с футболом. Он не ходил ни на один мой матч, ему, конечно же, все равно, что его сын – один из лучших защитников сезона.

У моего отца два сына, но видит он только одного своего ребенка. И если мой старший брат Игнат – гордость семьи, то я – худший провал в его жизни.

У нас с отцом никогда не было тесной родительской связи, мы еще больше отдалились с ним после того, как мать бросила нас, не выдержав его деспотичный характер. Я не защищаю эту женщину, она бросила своих сыновей и укатила в Европу с любовником.

Да, мне чертовски не повезло с родителями.

– Дружище, стой, – капитан команды окликает меня у самого входа в раздевалку. Я медленно оборачиваюсь и поправляю рукой мокрые после душа волосы. – Не подбросишь меня?

– Без проблем, погнали.

Капитана нашей команды зовут Спартак (Арт) Леднев, и он является моим хорошим другом.

Мы запрыгиваем в мою тачку, мы с Артом дружим достаточно давно, чтобы я знал точный маршрут к его дому. Всю дорогу мы слушаем музыку, я сосредоточенно веду тачку, погружаясь в свои мысли, пока Арт покачивает головой под биты трека.

Внезапно Леднев убавляет музыку и между нами повисает неловкое молчание.

– Что с тобой происходит?

Блядь, и он туда же.

– Че вы ко мне все прицепились, все со мной в порядке, – возможно, моя вспышка агрессии была не к месту, но в последние дни произошло слишком много дерьма, чтобы я попытался контролировать собственные эмоции.

– Нет, чувак, это на тебя совсем не похоже. Мало того, что ты практически отсутствовал на поле, витая в облаках, так еще пропали твои надоедливые и неуместные шутки, – Арт испепеляет меня прищуренным взглядом, будто намереваясь проделать дыру в моем лбу. – Лучше бы ты продолжал быть веселым клоуном, чем хмурой оболочкой себя. Верни моего друга, кто бы ты ни был.

Я крепче сжимаю руль до побеления в костяшках и так сильно стискиваю челюсть, что удивляюсь, как мои зубы еще не крошатся. Только два человека знают меня достаточно хорошо, чтобы заметить изменение в моем настроении – это Тео и Арт. Однако Тео предпочитает клевать мне мозги далекими и намекающими фразами, а Арт спрашивает напрямую.

– Дим Саньч тебе сказал со мной поговорить, верно? Если ты про сегодняшнюю тренировку, то такого больше не повторится, ты меня знаешь. Я соберусь к матчу, и буду держать позицию лучшего защитника.

Арт усмехнулся и отрицательно покачал головой.

– Морозов действительно просил меня устроить тебе взбучку, но к черту футбол. Я хочу помочь своему другу, но у меня ничего не выйдет, если ты не расскажешь причину.

Я бросил быстрый взгляд в сторону друга, Арт был хорошим и верным другом, и у меня не было причин не доверять ему.

– Все из-за моего отца.

– Я так и думал, – выдохнул Арт и свел брови к переносице.

– У меня куча долгов в универе, мне нужно как-то быстро это все расхлебать и одновременно попытаться полностью выложиться на поле. Это чертовски сложно.

– Понимаю. Нельзя объять необъятное.

Я усмехнулся, губы Арта тоже скривились в легкой улыбке.

– Что за херня, дружище? С каких пор ты заговорил пословицами?

– Иди в задницу, придурок, – друг в шутку толкает меня в плечо. – Я пытаюсь помочь.

Моя ауди въезжает во двор жилого комплекса Леднева и я паркуюсь у его подъезда, но Арт не торопится выходить. Его настороженный взгляд скользит по моему лицу, я откидываюсь на спинку кресла и позволяю себе улыбнуться.

– Я всегда готов тебя выслушать, понял?

– Понял. Давай проваливай, мне в универ надо.

Арт открывает дверь.

– То-то я чувствую, что ты трезвый и на тачке, – он смеется.

– Проваливай, – я смеюсь и отворачиваюсь.

Я завожу двигатель и вылетаю из двора, обдумывая слова друга. Приятно, что кэп вспомнил про кодекс дружбы, но вряд ли он сможет мне помочь.

Это была лишь моя битва.

Поймать Самойлову в универе мне так и не удалось, и после того, как я узнал, что она давно ушла, я собрался ехать домой, однако вспомнил, что забыл телефон в нашем спортивном комплексе.

Когда я подъезжаю к корпусу, уже довольно поздно. Надеюсь, кто-нибудь есть на посту охраны, иначе хреново мне будет без телефона всю ночь.

Я забываю и про проблемы с отцом, и про долги в университете, и про проклятый телефон, когда слышу знакомый звонкий смех и замечаю двух людей, которые никак не должны были оказаться вместе.

Риана и, мать его, Тео Наварро стоят в коридоре у входа в женскую раздевалку и о чем-то мило беседуют. Точнее говорит Тео, судя по шевелениям его губ и довольной ухмылке, которую он дарит всем моделям, с которыми собирается провести ночь. Риана прижимается лопатками к стене, смотрит на моего друга снизу вверх большими от восхищения глазами, а Тео нависает над ней так близко, что их лица находятся в предательски опасном расстоянии. Наварро что-то вновь говорит и Риана разряжается искренним смехом.

Блядь, почему она смотрит на него так, как никогда не посмотрит на меня? Каждый раз, когда наши взгляды встречаются, ее глаза либо холодные, либо осуждающие, либо горячие от ненависти и злобы. Я предпочитаю последнее, это лучше, чем видеть холодное равнодушие.

Но прямо сейчас внутри меня что-то трескается и с грохотом падает, когда я вижу эту картину. В этот момент пожилой охранник приносит мне мой телефон, я резко разворачиваюсь и выхожу на улицу, в надежде отдышаться и унять пульсирующую в груди злость.

Я быстро набираю номер Арта, когда прыгаю в тачку и с ревом мотора вылетаю на трассу.

– Сегодня вечеринка у меня дома. Собери как можно больше народу.

Глава 7

 Риана

– Эй, Королева сука!

Я закатываю глаза и резко разворачиваюсь, готовая обрушить весь свой словесный гнев на человека, который назвал меня этим нелепым прозвищем. Тео Наварро смотрит на меня с вселенским спокойствием во взгляде, словно он только что не оскорбил меня.

– Что тебя надо?

– Ваша тренировка давно закончилась, что-то ты припозднилась.

Я рефлексивно смотрю на часы, которые показывают семь вечера, за окном уже давно глубокая темень. Наша тренировка группы поддержки действительно закончилась очень давно, однако я ни за что на свете не признаюсь Тео, что сидела в женской раздевалке, пытаюсь спрятаться от матери и одновременно готовясь к зачету в школе искусств.

– Это как-то тебя касается, м? – я выгибаю бровь и скрещиваю руки на груди. – Могу задать аналогичный вопрос, что ты делаешь в спортивном корпусе так поздно? Разве вас не отпустили пару часов назад с вечерней тренировки?

Тео бросает на меня взгляд. У него постоянный “отвали взгляд”, запечатленный на его чертах. И хотя он относительно красив со своими темными волосами и резкими чертами лица, я не знаю, почему девушки находят его привлекательным и почти сливаются со стенами, когда он проходит мимо них. Может, они все тащатся по его испанскому акценту?

– Туше, – он издает смешок. – Тебя подбросить до дома?

– У меня есть своя собственная машина и личный водитель, Наварро. Выкладывай.

– Выкладывать что?

– Ты только что назвал меня Королевой сукой. Я знаю, что ты падкий на девушек модельной внешности, но также я знаю, что тебе не нравится моя компания. Так почему ты остановил меня?

Он ухмыляется.

– Может, потому что у тебя красивые глаза, Канаева.

– Фу, никогда больше не пытайся провернуть это со мной. Меня буквально тошнит.

– Какая же ты все же сука, – произносит он с веселым акцентом.

– Вау, тебя уже научили русскому мату.

– Ты бы не хотела, чтобы тебя вырвало, если это был Ян, а?

– К черту тебя и его, – я отворачиваюсь, махнув своими волосами для большего эффекта и собираюсь уйти подальше от этого испанского придурка, но его дальнейшие слова заставляют меня замереть.

– Кто-то спровоцирован.

– Чего ты хочешь, Теодор? – я стискиваю зубы и медленно поворачиваюсь. – Если это какая-то игра, которую задумали вы с Яном, то я не играю. Идите пинать мячик на поле, мальчики.

– Интересно... – он приблизился ко мне настолько близко, что я вжалась лопатками в стену. – Но вот в чем дело, эта игра может стать твоей.

– Моей? – я выгибаю бровь и никак не могу уловить его намек.

– Так уж вышло, что я случайно стал свидетелем того, как Ян на вечеринке Эмиля затолкал твое пьяное тело к себе в машину и увез, полагаю, к себе на квартиру, – Тео пожал плечами и сунул руки в передние карманы своих темных джинсов. – А вчера я случайно услышал, как твои подруги обсуждают ваш секс в ту ночь.

У меня едва не падает челюсть от услышанного. Будь проклята Вероника за свой длинный язык, а Кристина за то, что продолжала развивать эту тему. Спасибо, подружки.

– Я ничего не помню, – я бую себе под нос, чувствуя жар по всему лицу. Я больше не смотрю в лицо Тео и стыдливо отвожу глаза. Этот испанец поймал меня на крючок.

– Я думаю, Ян солгал тебе, – я резко поднимаю голову и всматриваясь в его лицо. – Ян может быть кем угодно, но только не сомнофилом*.

Я прищуриваю глаза и пытаюсь отыскать правду в глазах Наварро. Во-первых, откуда он знает данный термин. Во-вторых, судя по его спокойному выражению лица, он говорит правду. В-третьих, я сама много думала над произошедшим той ночью и пришла к выводу, что Ян не мог так со мной поступить.

– Я предлагаю тебе месть. Ты знаешь лучший способ заставить его пожалеть? – он понижает голос, чтобы нас никто не мог услышать.

– С чего ты вообще взял, что Ян станет жалеть? Он едва выносит меня, – я нервно заправляю прядь за ухо и не контролирую движение, когда от досады прикусываю нижнюю губу.

Ян сказал, что я пустышка и фальшивка. Он не станет переживать из-за меня.

– Ты слепая? – вопрос испанца заставляет меня снова поднять на него глаза. Я хмурюсь от его грубого выражения. – Он следит за тобой через инстаграм, как гребаный сталкер и не сводит с тебя глаз, когда ты скачешь на трибунах со своей командой. Ах, да, пару дней назад он ударил Андрея из второго состава за то, что тот напоил тебя на вечеринке Эмиля.

Я широко раскрываю глаза. Я замечала взгляды Яна на себе во время их тренировки, но его глаза были наполнены ненавистью и он отворачивался каждый раз, когда я ловила его взгляд, будто я была посмешищем.

– Ты ошибаешься... Он ненавидит меня.

Кил тяжело вздыхает и проводит пятерней по светлым волосам.

– *Estúpido* (с испанского – глупая).

– Что прости? – я морщусь. – Это было какое-то обзывательство на твоём языке?

– Так ты будешь играть со мной в одну игру или нет?

Я хочу, чтобы Ян почувствовал боль, которую причинил мне в ту ночь, сказав, что я не впечатлила его. Я хочу, чтобы он смотрел в зеркало и сдерживал крики, потому что он заставлял меня чувствовать себя невидимкой рядом с ним все эти годы.

После вечеринки Эмиля он проходил мимо меня и здоровался только с Вероникой и Кристиной, но не со мной. Он улыбался им, но никогда мне.

Как будто он наказывал меня за то, что я никогда не делала. Ладно, может, пару лет назад я сама оттолкнула его и это из-за меня мы перестали общаться, но это не одно и то же. Он не знает, что я сделала это по приказу матери, так как она сказала: *“Ты слишком привязана к этому мальчику. Привязанность – это слабость. Ты должна избавиться от него”*

Разве двенадцатилетняя я могла противостоять своей родной матери?

В любом случае, он виноват больше, чем я. И я отказываюсь проигрывать ему или кому-то еще.

Я снова фокусируюсь на Тео.

– А что это будет значить для тебя? – я прищуриваюсь, пытаюсь отыскать подвох. – Разве ты не его друг и не должен быть на его стороне?

Губы Тео растягиваются в ухмылке, когда он пожимает плечами.

– Это весело. К тому же, я хочу, чтобы он признался сам себе в своей одержимости тобой. *Одержимость*... Так он это назвал?

– Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю тебе фиктивные отношения. Я буду флиртовать с тобой, а ты позволишь мне это, так что сбрось свои стены, снежная королева. Может, мы даже переспим.

– Ты, должно быть, не в своем уме, если думаешь, что я позволю тебе прикасаться ко мне, – я откидываю волосы назад. – Если бы мы были последними двумя людьми, оставшимися

на этой планете, и наши дети были единственной надеждой человечества, я бы проголосовала за вымирание.

– Как грубо, Королева сука, – Тео ухмыляется. – К счастью, это взаимно. Единственная хорошая вещь в тебе – это способность выводить Яна из себя. Я имел ввиду, что мы притворимся, что переспали, *estúpido* (с испанского – глупая).

Снова какое-то обзывательство.

– Что ты скажешь? Мы станем союзниками и раздавим его?

– Раздавим его как?

– В каком-то смысле он упадет к твоим ногам, как щенок.

Я этого не хочу. Я только хочу, чтобы ему было больно. Пока я раздумывала, тело Тео напряглось и он резко оглянулся через плечо.

– Окей, я согласна! – выпалила я, прежде чем передумать. – Когда начнем?

– Прямо сейчас.

Он толкнул меня к стене и навис надо мной. Его лицо было так близко ко мне, что наши губы едва не соприкасались. Я испугалась и подумала, что он хочет поцеловать меня и уже собиралась пихнуть его в грудь, но его серьезный голос разрушил всю мою решимость:

– Ян тут, он смотрит. Ты должна улыбаться и смеяться над моими шутками.

Я метнула взгляд в сторону и аккуратно посмотрела через плечо испанца. Ян действительно стоял у входа в спортивный комплекс и испепелял нас прищуренным взглядом.

Я стала смеяться, что вышло у меня неплохо, учитывая, что я была хорошей актрисой. Спасибо мамочке. Тео провел рукой по моему лицу и заправил выбившуюся прядь за ухо. Ну и придурок. Он стоял слишком близко, слишком нахально улыбался, и хоть Тео был привлекательным, он меня раздражал и поэтому я едва сдерживала себя, чтобы не оттолкнуть этого иностранца.

Что ж, игра началась, главное не попасться в собственную ловушку.

#####

*Сомнофилия – желание совершить половой акт со спящей партнершей.

Глава 8

Риана

Я выключила фен, когда услышала крики в гостиной. Аккуратно приоткрыв дверь своей комнаты, я вышла в коридор, прислушиваясь к звукам, доносящимся с первого этажа. Если в нашем доме кричат это может означать только одно: папа вернулся.

Сорвавшись с места, я ринулась вниз, перепрыгивая через ступеньки, чтобы как можно быстрее оказаться рядом с единственным близким человеком.

– Папочка! – мой голос дрожал, когда я сбегала с лестницы и врезалась в мощное мужское тело, от которого всегда пахло детством.

– Господи, Риана, что за марафон? – мама закатила глаза. – Ведешь себя, как ребенок!

– Она и есть ребенок. Наш ребенок, если ты не забыла, – отрезал папа грубым голосом, но когда его глаза коснулись моего лица, то взгляд моментально потеплел. – Здравствуй, принцесса.

Евгений Канаев – известный бизнесмен, который владеет несколькими алюминиевыми заводами в разных городах нашей страны. Именно поэтому его никогда нет дома и он постоянно в командировках. Не то, чтобы мама была против, у них с папой давно не все гладко в отношениях, но они продолжают стараться и работать над своим браком, однако, я думаю, они оба друг от друга устали.

Несмотря на постоянную занятость, у папочки всегда есть время на свою единственную дочь, мы созваниваемся каждый день и если у папы нет возможности позвонить мне, он желает мне спокойной ночи сообщением.

И пусть нас разделяют тысячи километров, папочка всегда бывает ближе, чем мать, живущая со мной под одной крышей.

– Почему ты не предупредил, что приедешь? – я напоследок сильнее обняла широкую талию папы, как будто он мог испариться в любую секунду, и сделала шаг назад, чувствуя себя неловко от такого излишнего проявления внимания.

Мама всегда говорила, что чувство привязанности – удел слабаков и мазахистов.

– Совсем не было времени позвонить тебе или маме, – папа улыбается несмотря на усталые глаза. – Взял билет и сразу к вам.

– Ты надолго?

– На пару недель.

У меня едва не падает челюсть от услышанного. Папа никогда не оставался дольше, чем на четыре дня. Сначала я обижалась на него, но с возрастом поняла, что этот график жизни – неотъемлемая часть его сущности.

– Это так здорово! – я опять прижимаюсь к теплой груди папы. Мне так его не хватает.

Мой папочка красивый мужчина, по-другому быть не может, учитывая, что он женат на всемирно известной модели. У него каштановые волосы, которые унаследовала я, нарочитая небритость, придающая ему мужественности, темно-карие глаза и неизменный темно-синий костюм-тройка от Бриони.

– Поужинаешь с нами? Твоя мама приготовила прекрасный сибас.

Я смотрю сначала на стол, красиво украшенный для ужина, затем на маму и натянуто улыбаюсь. Мама никогда не готовит. Я уверена, что она заказала эту рыбу из ресторана, а стол накрыла наша экономка. И папа тоже это знает, только мои родители почему-то продолжают играть в игру “счастливая семья”.

– Только не смей садиться за стол в этом, – голос мамы звучит, как гром среди ясного неба. Мы с папой смотрим на нее, но она остается непоколебимой со своим вздернутым подбородком, надменным взглядом и ужасно прямой осанкой.

– Катя! – рычит папочка.

– Все в порядке, мама права, – я поджигаю губы и смотрю сверху вниз на свою широкую белую футболку и короткие сиреневые шорты. Это моя домашняя одежда и мама ее ненавидит. Все потому что моя мать спит только в кружевных пеньюарах и даже дома носит приталенные платья. Только дома я могу быть самой собой и не играть роль “Королевы суки”, именно поэтому я однажды отвоевала свое право на ношение широких футболок и мама, кажется, смирилась с этим.

Но как бы я не любила свою домашнюю одежду, я не хотела, чтобы родители ссорились из-за меня. Их брак и так трещит по швам, и как бы они не старалась это скрыть от меня, я все чувствую.

Когда я поднимаюсь наверх, в свою комнату, чтобы переодеться в элегантное домашнее платье, я слышу холодный голос отца:

– Однажды ты превратишь нашу дочь в такую же оболочку, какой являешься сама!

Быстро переодевшись в платье, которое мама одобрила одним только взглядом, мы сели за стол и между нами повисла гнетущая тишина. Мама налегала на бокал вина, погрузившись глубоко в свои размышления, папа что-то печатал в своем телефоне, явно общаясь со своими коллегами, а я смотрела на эту обстановку и чувствовала, как мое сердце обливается кровью.

Я даже не успела понять, как от нашей семьи осталось только слово. Мама с папой с каждым днем отдалялись все дальше, папа из-за работы, мама из-за своей гордости, но так было не всегда. Мое детство было поистине счастливым, мама на время прекратила свою модельную деятельность, чтобы направить все свои силы на мое воспитание, а бизнес папы только начинал зарождаться, так что у него не было необходимости уезжать от нас надолго.

Мы были счастливой семьей, но в какой-то момент все изменилось: мама снова стала позировать для обложек, пыталась слепить из меня свою вторую копию, а потом у нее начались проблемы с психикой, после чего она стала топить свое горе в алкоголе, а папа тратил слишком много времени и сил, чтобы мы с мамой ни в чем не нуждались, зарабатывая свои миллионы.

Таким образом мы пришли к тому, что имеем сейчас.

– Как дела на твоём заводе, папочка?

Папа резко поднял голову, а мама выпрямилась, возвращаясь в реальность. Папочка стал рассказывать о своих делах, я пыталась вслушаться, но мое внимание привлекло пришедшее на мой телефон сообщение.

Ян: Разве ты можешь быть еще большей сукой?

Я слотнула, ощущая, как все больше сковывает грудную клетку жесткой болью.

Риана: Что ты несешь?

Ян: Ты самый худший человек, которого я знаю.

Похоже воздух исчезает не только из моих легких, но и из атмосферы. По крайней мере, в этой комнате его точно нет. Почему так больно слышать от него эти слова?

Риана: С каким пор ты пишешь мне, Ян? Удали мой номер и навсегда забудь о моем существовании.

Я такая лгуня. Меньше всего на свете я хочу, чтобы Ян забывал обо мне.

Ян: Если бы я только мог.

Что это может значить? Я вспоминаю сегодняшние слова Тео: *“Ты слепая? Он следит за тобой через инстаграм, как гребаный сталкер и не сводит с тебя глаз, когда ты скачешь на трибунах со своей командой.”*

Я едва не поверила испанцу, он говорил эти слова с чертовой уверенностью во взгляде. Но когда Ян заметил сегодня нас с Наварро едва не целующимися, он просто развернулся и ушел. Никаких криков, никаких кулаков. Ни-че-го. Это доказывает его абсолютное равнодушие.

Голос папочки звучит монотонным звуком на фоне, но я не могу разобрать ни одно его слово. Мое сердце бьется так быстро, когда я захожу в инстаграм Вероники и вижу, как она

выложила видео с какой-то вечеринки. Мне не составило труда узнать лица парней из нашей футбольной команды и по интерьеру понять, что это квартира Яна. Он опять устроил очередную вечеринку.

Ян: Ты опять со своей матерью-тираншей проводишь вечер за пианино, которое ненавидишь? Что на тебе надето? Какая-нибудь сиреневая нелепая хрень?

Я задыхаюсь от прочитанных слов. Откуда он знает, что я ненавижу игру на фортепиано?

Риана: Ты не имеешь права так говорить о ней. Она моя мама.

Я ненавижу себя, как только отправляю это сообщение. Почему я должна быть такой лицемеркой? Но опять же, Ян никогда не говорил со мной о моей семье, делая вид, будто у него есть на это право.

Ян: Мать, которую ты хотела бы никогда не иметь.

Господи... Почему он помнит все, что я говорила ему много-много лет назад? Если он знает, что я несчастна рядом с ней, то почему продолжает издеваться надо мной, доставляя еще больше проблем?

Он обманул меня, сказав, что мы переспали, раздавил мое сердце своим футбольным бутсом, когда назвал меня не впечатляющей, так с чего Ян думает, что имеет право вернуться и сказать мне, что делать теперь?

Риана: Пошел ты, Стоцкий. Оставь меня в покое.

Ян: Как насчет “нет”?

Риана: Разве на твоей вечеринке нет прилипающих к тебе дурочек, которые составили бы тебе компанию?

Ян: Разве ты не должна в этот момент трахаться с гребанным Тео Наварро?

Черт. Успокойся, Риана. Сохраняй чертово спокойствие.

– Как твоё здоровье, принцесса?

Я едва не роняю телефон из рук, который держала под столом. Глаза папочки блестят от теплоты и переживания.

– Я имею в виду, твой диабет, ты колешь инсулин?

– Э-эмм, да, конечно, он всегда в моей сумочке.

Папочка едва заметно кивает.

– Очень хорошо, следи за своим здоровьем, ладно?

Я киваю. Мой взгляд перемещается на маму, глаза которой теперь пьяно блестят, но она продолжает подносить ко рту, кажется, третий бокал вина...

– Если вы не возражаете, я удалюсь в свой кабинет. Мне нужно работать.

Папа медленно встает со своего места и подходит ко мне, мягко целует в макушку. Это самый теплый жест на свете. Он целует маму в висок, но от меня не укрывается то, с какой неловкостью папа наклоняется к ней, а мама нервно поджимает губы.

– Настоящий клоун, – невнятно бубнит мама под нос, когда папа покидает столовую. Она встает со стола, хватая неоткрытую бутылку Шардоне и свой бокал, и, пошатываясь, выходит из комнаты, оставив меня одну, сидящую за пустым столом.

Ян: Я чертовски пьян, Риана, и если ты не ответишь на мой вопрос, я оседлаю свой Кавасаки и приеду прямо к твоему дому. Не выводи меня, блядь, на езду в нетрезвом виде.

Я вздрагиваю от вибрации телефона. Он же это несерьезно? Я слышала, что он много и часто пьет, но Ян никогда не садился на свой байк в алкогольном опьянении.

Риана: Это не твоё дело.

Ян: Ты действительно так думаешь?

Я почти стучу пальцами по клавиатуре, печатая гневный ответ.

Риана: Да! Ты не можешь просто взять и ворваться в мою жизнь так, словно имеешь на это полное право! После столько лет молчания и игнора ты не можешь притворяться, что знаешь меня как облупленную! Ты никогда меня не знал!

Ян: Дай подумать, *куколка*. Я знаю, что ты живешь под одной крышей с тираном в юбке, она заставляет тебя играть на проклятом фортепиано и строить из себя совершенно другого человека, но ты позволяешь ей рушить свою жизнь, потому что у твоей матери расшатанная психика и ты боишься, что в один прекрасный момент она наложит на себя руки. Я знаю, что ты до чертиков любишь сиреневый цвет, весь твой гардероб и даже спальня выкрашены в этот оттенок, ведь сиреневый – это ты. *Это единственное, что в тебе настоящее*. Ты прячешься за этой косметикой и дорогой одеждой, чтобы соответствовать имиджу своей семьи, но на самом деле дома ты носишь широкие футболки и танцуешь под глупые песни, когда тебя никто не видит. Ты брызгаешься с ног до головы парфюмом Шанель, но твои волосы на самом деле пахнут сладким кокосом. Я знаю, что ты строишь из себя гребаную суку, но на самом деле ты *самый заботливый человек*, которого я знаю. Ты слишком сильно любишь своего отца, поэтому делаешь все, чтобы казаться перед ним совершенной и, делая это, ты медленно убиваешь часть себя. Ты всегда следишь за тем, чтобы в женской раздевалке у девушек из твоей команды поддержки всегда была вода и протеиновые батончики; когда в прошлом году Кристина вывихнула лодыжку, ты приходили к ней в больницу каждый гребаный день. Я знаю, что ты любишь бегать под дождем каждый вечер, чтобы привести мысли в порядок. Но вот в чем дело, Риана, ты можешь прятаться от всего мира и от самой себя, но ты, блядь, никогда не сможешь спрятаться от меня.

О, Боже мой.

О. Боже. Мой.

Мои руки дрожат, когда я перечитываю его слова и щипаю себя за бедро, убеждаясь, что это не какой-то страшный сон, который я вижу каждую ночь.

Откуда... Откуда он это все знает? Как он может так много выяснить таким маниакальным, подробным способом?

Если только он не следил за мной? Дом его родителей стоит напротив нашего, но Ян давно съехал оттуда, когда отец купил ему квартиру в центре Питера.

Меня чертовски сильно пугает его одержимость, но в то же время это питает изголодавшуюся по нему часть меня, которая ждала Яна целую вечность.

Пришло время поговорить с ним обо всем этом.

Глава 9

Риана

Моя барабанная перепонка дрожит и, кажется, вот-вот порвется от оглушительной музыки. Сказать, что я достигла сенсорной перегрузки всего за десять минут, было бы преуменьшением.

Бесчисленное количество бутылок из-под алкоголя окружают всю квартиру; свет приглушен, а в воздухе витают облака серого дыма. Неужели кто-то курит травку?

Я стараюсь двигаться как можно аккуратнее и незаметнее, лишь бы меня никто не заметил. На мне облегающие темные джинсы, белая толстовка и глубокий капюшон на моей голове скрывает лицо, на котором нет ни капли макияжа. Я надела то, что первое попало под руку, прыгнула в свою машину и через пятнадцать минут стояла перед дверью квартиры Яна, поэтому у меня совсем не было времени на макияж.

Я прохожу в гостиную и встречаю знакомые лица парней из нашей футбольной команды. Проклятье. Меньше всего я хочу, чтобы друзья Яна видели меня в таком виде.

– Ри! – как назло мое имя произносит знакомый женский голос. Кажется, будто все вокруг услышали это и теперь все внимание приковано только ко мне, но нет. Музыка слишком громкая, в комнате весьма темно и люди чересчур пьяны, учитывая, что я пришла в самый разгар вечеринки.

Я медленно оборачиваюсь и натыкаюсь на блаженное лицо Вероники. Ну, конечно, ни одна вечеринка Яна не проходит без Ники.

– Давай к нам, Ри-Ри!

Я медленно подхожу к подруге, которая стоит у стены рядом с торшером и держит в руках бутылку пива. Судя по ее стеклянным глазам, размазанной помаде и взъерошенным волосам, она сильно пьяна и только что трахалась.

– Это Макс, – Ника указывает на парня, который закинул свою лапу на мою хрупкую подругу и выглядит таким же пьяным, как и Ника. Макс улыбается мне кривой улыбкой и выпрямляется, ухмыляясь.

– Что ты творишь! – схватив Нику за предплечье, я тяну ее к себе, чтобы противный Макс с желтыми зубами перестал лапать мою подругу. – Убери эту дрянь из своих рук и перестань спать с мутными парнями!

Я выхватываю из рук подруги бутылку дешевого пива и ставлю на журнальный столик, закиданный разными бумагами и пустыми картонными стаканчиками.

– У меня был крышесносный секс с Максом в ванной комнате.

Мерзость.

– И крышесносные венерические заболевания, которые он тебе подарит?

Мне не нравилось наблюдать, как моя подруга, хоть и не близкая, медленно разрушает себя: пьет много алкоголя и связывается с незнакомыми парнями ради одноразового секса. Если это поможет избавить мою подругу от неприятностей, то я буду первой стервой.

– Перестань быть такой занудой, Ри... К чему вся конспирация?

Вероника медленно протягивает ко мне руку и снимает с меня капюшон. Я толкаю ее кисть и вновь прячусь.

– Где Ян?

– Ян? – Ника хлопает глазами и прикусывает нижнюю губу. Она начинает вертеть головой по сторонам и прищуривать глаза. – Где-то здесь.

Ясно, здесь мне не помогут.

– Не совершай глупостей, – говорю напоследок подруге, которая навряд ли разберет смысл моих слов, затем перевожу взгляд на мерзкого Макса, который ухмыляется мне, пытаясь флиртовать. *Я не в твоей лиге, дружок.*

Я собираюсь отправиться на поиски Яна, как внезапно кто-то толкает меня в плечо и я падаю на рядом стоящую девушку, которая, к счастью, не сыплет меня проклятиями, а лишь понимающе улыбается.

Парни из нашей футбольной команды не поделили девушку и начали толкать друг друга. Если тренер Морозов узнает, что наши игроки пили и курили на вечеринке, им знатно не поздоровиться. Хорошо, что они делают это очень редко.

Дальше начинается настоящая потасовка, Марат бьет Андрея по лицу, и тот падает назад, а мне едва удастся отскочить в сторону, чтобы эта мужская туша не упала на меня.

Господи, да что за день сегодня!

Пока все вокруг начинают разнимать дерущихся, я, пользуясь моментом, проскальзываю в другой конец комнаты, чтобы поискать знакомые лица. Точнее, я ищу Тео, надеюсь, что он как лучший друг Яна просто обязан быть на его вечеринке. Но вместо Теодора, я встречаюсь взглядом с Ледневым. Окей, тоже хорошо.

Арт подпирает стену плечом и с ухмылкой следит за тем, как Андрей пытается пнуть Марата в грудь, но промахивается. Я даже не хочу спрашивать, почему этот акт насилия вызывает у него такую маниакальную улыбку, наверное, из-за того, что Леднев – капитан команды, и он завтра на тренировке надерет этим двум зад за драку.

– Наша местная стервочка, что с твоим лицом? Ты заболела? – издевается Арт.

– Очень смешно, подскажешь, в какой момент нужно посмеяться?

– Чем обязан, Риана?

– Где Ян?

Арт прищуривает глаза, словно пытаясь отыскать мои скрытые мотивы, но поняв, что их нет, через секунду отвечает:

– На балконе.

Вдох выдох. Мои ноги автоматически останавливаются, когда я встречаюсь с этими глубокими, как океан, глазами. Те, что наполнены магией, в которую я не могу перестать верить.

Закинув одну руку за голову и широко расставив ноги, Ян сидит на диване в окружении двух девушек. Одна практически лежит на его груди, другая закинула на его мускулистые бедра свои длинные обнаженные ноги. *Сучки.*

Ян затягивается кальяном, и, не сводя с меня затуманенного взгляда, выпускает облако серого дыма из-за рта. Тусклый свет, исходящий из комнаты, отбрасывает тени на его резкие черты. Я сглатываю, пытаюсь смириться с тем фактом, что он продолжает сидеть, как ни в чем не бывало, с этими девушками на своих коленях, когда я стою перед ним и вижу эту картину.

Какого черта? С каких пор он стал таким ненормальным?

– Проваливайте, – рычу сквозь зубы, продолжая держать зрительный контакт с Яном. Я едва себя сдерживаю, чтобы не выцарапать глаза этим двум шлюшкам.

– Прости? – брюнетка выгибает бровь и усмехается. Ее рука ползет вверх, обхватывает лицо Яна и через секунду ее губы касаются его щеки. В глазах Яна начинают прыгать черти, а сам он весело ухмыляется мне.

Тебе смешно, придурок?

– Я сказала, свали отсюда, иначе я оттащу тебя за волосы.

Девушки смотрят на Яна, который молчит и продолжает медленно курить. *Молчание – тоже ответ, сучки.*

Русоволосая фыркает, но все же встает с его колен и они медленно, покачивая бедрами, выходят в гостиную, оставив нас наедине.

– Seriously, Ян? – я скрещаю руки на груди и чувствую, как мое сердце вот-вот расколется на несколько частей. – Ты писал мне все эти интимные слова в то время, как какие-то шлюхи ползали в твоих ногах? Может, они делали тебе минет, пока ты переписывался со мной?

– Ты всегда отталкиваешь всех своим холодом и отчужденностью, но продолжаешь ревновать, словно люди – это принадлежащие тебе вещи.

Ян вновь бесстрастно выдыхает дым. Черт бы побрал его контроль над эмоциями.

– Это не так!

– Думаю, мы уже установили, что я знаю о тебе много дерьма, – он отбрасывает трубку от кальяна в сторону и встает с дивана, и мое тело инстинктивно напрягается.

То, как он крадется ко мне, не что иное, как хищничество. Он смотрит так, словно хочет причинить боль и разрушение. Так, словно он охотиться за мной, не за кем-то еще, а *за мной*.

И все же я говорю самым нейтральным тоном, каким только могу:

– Почему?

– Почему? – повторяет он, приподнимая одну бровь.

– Почему ты знаешь обо мне так много дерьма?

– Это вопрос века, не так ли? Почему? – Ян останавливается, когда его грудь почти касается моей.

Так близко, что я могу вдохнуть запах негрони, сильный и непреклонный, как и все остальное в нем.

Ян пьян. Нет, он в дрова. Удивительно, как он смог, не качаясь, встать с дивана и не упасть на него снова.

– Почему сиреневый?

– Что?

– Ты слышала. Почему это, блядь, именно сиреневый?

– Мой любимый цвет?

– Я ненавижу твой любимый цвет. Я ненавижу *тебя*, Риана.

Ой.

Я всегда знала, что после того, как я отказалась от него много лет назад, Ян стал ненавидеть меня, но слышать, как он произносит эти слова равносильно вдыханию гари прямо в мои задыхающиеся легкие.

Я не могу дышать, даже если бы захотела.

– Я ненавижу твои глаза и твои чертовы шелковистые волосы, – он одним движением смахивает с моей головы капюшон и с силой сжимает волосы на затылке. Глаза начинают щипать от боли, но я сдерживаю вскрик.

Затем он разжимает кулак и почти с благоговением вдыхает запах моих волос. Полагаю, он наслаждается моим ароматом, или думает о том, чтобы сжечь мои волосы.

Я никогда не смогу сказать наверняка.

– Тогда прекрати прикасаться ко мне, – выдыхаю я. – Прекрати вставать у меня на пути, прекрати вторгаться в мою жизнь и знать так много вещей обо мне.

Мы жили порознь все эти годы, почему он не может оставить меня в покое, пока наши пути в конечном итоге не разойдутся?

– Я должен, – он с отвращением опускает мои волосы. – Но ты продолжаешь мозолить мне глаза. Не проси моего внимания или я задушу тебя им.

– Я никогда не просила твоего внимания.

– Хочешь, чтобы я в это поверил?

– Нет, – я отталкиваю его. – Я ухожу.

Я поговорю с ним, когда он протрезвеет. Я еще лучше, я могла бы вообще с ним не разговаривать. В любом случае, это бесполезно. Не похоже, что он ответил бы на любой из моих вопросов, как адекватный человек.

Он просто еще немного помучает меня, а потом я стану мстить, и этот порочный круг никто не прервется.

Нет, спасибо, я выхожу из этой игры.

Но Ян думает иначе: он хватает меня за запястье и прижимает к себе, его рука обвивается вокруг моей талии, а другая фиксирует шею так, чтобы я смотрела только в его глаза.

– Ты трахалась с чертовым Наварро, – Ян с силой сжимает мое тело в своих грубых тисках.

Я краснею от его грязных слов.

– Ты обманул меня! У нас ничего не было, мы не спали с тобой, ты нагло врал мне!

– И что? Ты решила отомстить мне и переспать с моим лучшим другом? Знаешь кто ты после этого?

Я замираю. Мое желание что-то сказать – отвратительная привычка с тех пор, как мы были детьми. Каждый раз, когда мои родители ссорились, и мама кидала какие-то обидные слова в мою сторону, я прибегала к нему и изливала всю душу, а потом засыпала в объятиях Яна.

Он обычно гладил меня по волосам перед сном, но сейчас он просто толкает меня в бездонную дыру.

Он мне больше не друг, он мой враг. Я не могу позволить своим глупым воспоминаниям взять верх надо мной.

– Кто? Давай, назови меня шлюхой и навсегда покончи с этим!

Мой подбородок дрожит, но я сжимаю губы, не желая показать свою слабость перед ним.

Ян смотрит на меня со странной напряженностью, он всегда хмурится каждый раз, когда смотрит на меня, с каким-то непонятным интересом, и я всегда думала, что это из-за ненависти.

Но прямо сейчас на меня смотрит не ненависть. Это гнев, необузданный и безумный. Меня пробивает дрожь, хотя он еще не направил его на меня.

Я жду, когда отвратительное слово сорвется с его губ, но мое дыхание прерывается, когда Ян касается губами моих. Один раз. Дважды.

Его губы мягкие, такие мягкие, что кажется, я сейчас умру от этого ощущения. Я никогда не думала, что губы Яна могут быть такими мягкими. Ни разу не представляла, что наш первый поцелуй будет таким нежным, даже душераздирающим.

Первый поцелуй, если не считать нелепых поцелуев, которые были у нас в детстве.

Ян издает глубокий горловой стон, овладевая моими губами, и тянет меня за собой на диван. Я тут же оказываюсь на его мускулистых бедрах, а его ладони собственнически сжимают мою задницу.

Покалывание пробегает по моей спине, когда я со стоном открываю рот, и тогда Ян теряет всякую мягкость. Его язык находит мой, и он целует меня со свирепостью, оставляя меня беззвучной, бездыханной и бессильной.

Со стороны, должно казаться, что он высасывает душу из моего рта. Никогда в своих смелых мечтах я не думала, что он поцелует меня или что он будет так страстно относиться к этому... Будто этот поцелуй – единственное, что имеет значение в жизни, и...

Я отрываюсь от него и выпрямляюсь. Моя помада на его губах, его руки все еще сжимают мои ягодицы, а я чувствую его эрекцию между своих ног.

– О, господи! – стону я, пытаюсь оттолкнуться от него, но его хватка усиливается.

– Иди ко мне, – шепчет он и снимает с меня толстовку через голову. Хорошо, что я надела под нее топ.

– Нет, Ян, остановись! Что мы творим?

– Мне плевать, я хочу тебя прямо сейчас, – он притягивает меня к себе и кусает в плечо, прежде чем нежно поцеловать.

– В твоей квартире чертова вечеринка!

– Нахуй их.

Нет, нет, нет. Это слишком грязно и... неправильно. На дрожащих ногах я встаю с его колен и отчетливо могу почувствовать, как сильно я промокла от желания.

– Какого черта? – бормочет он.

– Ты пьян... И завтра ты пожалеешь об этом.

– Я никогда не пожалею об этом. Я отдаю себе отчет о том, что делаю.

Он смотрит на меня снизу вверх, его глаза сверкают затаенной яростью, и на этот раз он выглядит готовым обрушить ее на меня.

– Нет, я не хочу тебя.

Рыдание застревает у меня горле, когда я вижу, как его глаза наполняются болью. Что-то внутри него рушится, и я стала причиной этого.

Если мы сделаем это, то это разрушит не только его будущее, но и пошатнет психику моей мамы. Я снова думаю обо всех, кроме себя. Я снова проживаю жизнь по сценарию, написанному матерью и не могу ничего с этим поделать. И только по этой причине я знаю, что все, что у нас могло бы получиться с Яном – никогда не продлится долго.

Это просто интрижка.

Приключение.

И, как любое приключение, наступит день, когда оно, в конце концов, закончится. Что-то в моей груди сжимается от этой мысли, но я качаю головой, отгоняя ее.

– Ты снова меня отталкиваешь, не так ли? – его голос мрачный и глубокий. – Думаешь убежать от этой тяги ко мне, *Куколка*?

– Замолчи, – я хватаю свою толстовку и спешно надеваю. Ненавижу, когда он называет меня куколкой. – Мы оба знаем, что это неправда.

– Мы оба знаем, что ты *лгунья*.

Глава 10

Риана

Я сжимаю пальцами руль и пытаюсь сосредоточиться на обратной дороге домой, но ничего не выходит. Мои губы распухли, сердце разбито, а голова кружится от воспоминаний десятилетней давности:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.